

ТРАВА ПРОРОСШАЯ СКВОЗЬ КАМЕНЬ

Анонимный Хронист

Анонимный Хронист

Трава, проросшая сквозь камень.

«Автор»

2026

Хронист А.

Трава, проросшая сквозь камень. / А. Хронист — «Автор», 2026

Он родился в нищей деревне, где даже карты не было. Его называли «слабым», дразнили и травили. Но в груди мальчика горела золотая искра — древняя магия, способная изменить мир. Кондо Дайку — сын каменщика, обладатель шести даров, наследник силы Владыки Демонов. Ему предстоит пройти путь от грязи до академии, от страха до любви, от надежды до последнего выбора. Но судьба — жестокая ткачиха. «Каждая долгая дорога начинается с шага, который ещё не знает своего имени»

© Хронист А., 2026

© Автор, 2026

Анонимный Хронист

Трава, проросшая сквозь камень.

Анонимный Хронист

Трава, проросшая сквозь камень.

Роман

2026

Аннотация.

Он родился в нищей деревне, где даже карты не было. Его называли «слабым», дразнили и травили. Но в груди мальчика горела золотая искра — древняя магия, способная изменить мир. Кондо Дайку — сын каменщика, обладатель шести даров, наследник силы Владыки Демонов. Ему предстоит пройти путь от грязи до академии, от страха до любви, от надежды до последнего выбора. Но судьба — жестокая ткачиха. «Каждая долгая дорога начинается с шага, который ещё не знает своего имени»

Том 1

«Каждая долгая дорога начинается с шага, который ещё не знает своего имени.»

Глава 1. Великое небо над Хамильтоном.

Деревня Хамильтон спала в низине между двух пологих холмов, точно старый пёс, свернувшийся у ног хозяина. Шёл 1587 год от Великого Раскола, и мир магии жил по своим суровым законам. Хамильтон не значился на картах королевства — мелкая точка, выжженная бедностью. Дома здесь лепили из серого камня и глины, крыли дранкой, которая гнила каждую осень. Улицы — две кривые жилы грязи. В центре — колодец с вечно скрипучим журавлём и старая ива, под которой бабы лушили горох и судачили о налогах. Кузница, лавка травника, церквушка без колокола — вот и весь Хамильтон. По ночам здесь не зажигали фонарей — зачем? У крестьян не было свечей, а у магов — желания светить беднякам. Земля вокруг была каменистой, урожаи — жалкими. Единственное богатство деревни — упрямство родившихся здесь людей. В такой-то деревне, в самом покосившемся доме на южной околице, пятого дня месяца Дождей родился Кондо Дайку. Дом Кондо стоял особняком — точнее, клонился набок, как старая лошадь, которая вот-вот упадёт. Стена, выходящая к лесу, поросла мхом, а крыша напоминала щербатый рот — трёх рядов дранки не хватало, и дожди лили прямо в сени.

Отец, Кондо Хиро — высокий, жилистый мужчина с мозолистыми ладонями величиной с лопату. Лицо его избороздили глубокие морщины — не возраст, а работа и недоедание. Волосы чёрные, с ранней сединой у висков, всегда стянуты кожаным ремешком. Хиро был каменщиком — лучшим в Хамильтоне, но кому нужны лучшие каменщики, когда никто не строит? Он вставал затемно, чтобы подправить чужую печь за миску похлёбки, или уходил в лес валить сухостой. Хиро почти не смеялся — но когда сын делал первый неуклюжий шаг, улыбнулся так, что соседка тётя Марико потом три дня крестилась.

Мать, Кондо Рен — невысокая, мягкая женщина с вечно красными руками. Рен была из рода, когда-то знавшего магию, но дар перебила бедность — теперь она лишь чуть-чуть чувствовала погоду костями да могла замесить тесто так, чтобы хлеб не черствел неделю. Её главное сокровище — длинные тёмные волосы, которые она распускала только на ночь. Рен нико-

гда не жаловалась. Даже когда в доме кончалась мука, она находила силы пошутить: «Худеем к лету, Дайку-тян».

А теперь главное — их сын, Кондо Дайку. В свои шесть лет Дайку был совсем не богатырём. Тоненький, как молодая веточка ивы. Руки — словно из двух спичек сложены, с прозрачными запястьями, где даже сквозь смуглую кожу видно голубые ниточки вен. Шея тонкая, ключицы торчат из-под ворота рубахи. Дрыщ — сказали бы злые языки. Но это не слабость, а просто он рос быстро, а есть было не всегда досыта. Зато глаза! Глаза у Дайку — большие, тёмно-карие, почти чёрные, но на солнце в них загораются крошечные золотые искры. И этими глазами он смотрит на мир так, будто видит его впервые. Всё ему интересно: почему паук плетёт сеть именно так, а не иначе; куда уползает муравей с хлебной крошкой; отчего туча сегодня серая, а вчера была белая. Любопытство в Дайку живёт отдельным существом. Оно шевелится в кончиках пальцев, когда он трогает мох на камнях. Оно поднимает голову вверх, когда он рассматривает облака. Оно заставляет его задавать вопросы, от которых мама улыбается, а папа чешет затылок: «А трава зелёная, потому что её так Бог покрасил? А почему у кошки глаза светятся, а у меня нет? А если копнуть глубже колодца, что там?» Характер у Дайку — мягче пуха одуванчика. Он никогда не дерётся. Не потому, что трусит, а потому, что не понимает — зачем делать больно другому? Когда соседский мальчишка Таро толкает его в грязь, Дайку не плачет и не лезет в драку. Он просто встаёт, отряхивается и говорит тихо: «Ты, наверное, устал сегодня. Или голодный. Держи, у меня есть кусок лепёшки». От такого даже задира Таро теряется. Дайку осторожный. Никогда не лезет первым в тёмный сарай — сначала заглянет в щёлку, послушает, спросит у мамы: «Там кто-нибудь живёт, кроме пауков?» Не бегают наперегонки с мальчишками — боится упасть и разбить коленку, но не столько потому, что больно, а потому, что мама тогда будет перевязывать и вздыхать. А мамины вздохи он ненавидит больше всего на свете. И при этом — огромное сердце. Такое, что в груди тесно. Дайку помогает всем, до кого могут дотянуться его тонкие руки. Тёте Марико — носить воду, когда у той радикулит (вёдра для него тяжёлые, он переваливается с ноги на ногу, но доносит). Старому травнику Ёсиде — перебирать сухие корни (на самом деле просто сидеть рядом и слушать его ворчание, потому что старику одиноко). Бездомной собаке, что живёт под мостом, — носит корки хлеба и гладит её холодный нос с такой нежностью, будто это самое дорогое существо на земле. Дома Дайку — первый помощник. Подметает пол веником из прутьев — мелко-мелко, каждую соринку. Помогает маме полоскать пелёнки для новорождённой сестры Мико (ей всего полгода, она пахнет молоком и иногда улыбается беззубым ртом). Когда отец возвращается с пустыми руками, Дайку молча садится рядом и кладёт голову отцу на плечо. Ничего не говорит. Просто сидит. Этого достаточно. Иногда мама смотрит на него и думает: «Откуда в таком маленьком теле столько любви?» А вслух говорит: «Дайку-тян, ты мой свет». Он смущается, краснеет до ушей и отворачивается. Теревит край рубахи. Улыбается — той самой улыбкой, от которой на щеках появляются ямочки. Неловкий, худой, вечно с взлохмаченными чёрными волосами, в рубахе, которая ему велика на три размера (перешили из отцовской). Именно такого сына — мягкого, как весенний ветер, любопытного, как котёнок, и такого милого, что соседки ахают — судьба готовила к чему-то великому. Что-то дремало в глубине его худенького тела, в золотых искрах его глаз, в той лёгкой теплоте, которую он сам не замечал. Но пока никто об этом не знал. Даже он сам. Дайку рос. Помогал матери по дому. Слушал, как отец ворчит на непогоду. Носил воду тёте Марико. Играл с сестрёнкой Мико, которая уже научилась хватать его за нос. Жил обычной жизнью необычного мальчика в бедной деревне Хамилтон. А сила ждала. Терпеливо. Бесшумно. В темноте.

Глава 2. Как Дайку ходил за солью и что из этого вышло.

Утро выдалось серым, но сухим — для Хамилтона это уже подарок небес. Мать послала Дайку к тёте Марико за солью: «Возьми миску, доченька одолжит немного, к вечеру вернём».

Дайку кивнул, взял глиняную плошку (края выщерблены, но мама затерла их тряпкой, чтобы не порезаться) и вышел за порог. Рубаха снова сползала с плеча — он то и дело подтягивал её, отчего походка становилась ещё более неуклюжей. Дорога до дома Марико — вся деревня поперёк, минут десять неторопливым шагом. Но для Дайку эти десять минут всегда были приключением. Он останавливался посмотреть, как капли росы держатся на лопухе. Задирает голову, чтобы разглядеть воробыную стаю. Приседал на корточки перед трещиной в заборе, где жила толстая гусеница.

— Ты сегодня шевелишься, — прошептал Дайку гусенице. — Наверное, хочешь кушать? Гусеница не ответила, но Дайку всё равно улыбнулся ей и пошёл дальше.

На перекрёстке у колодца его и встретили.

— О, глядите! — раздался знакомый голос. — Дрыщ идёт!

Таро. Ему было восемь, и он был самым шумным мальчишкой в Хамильтоне. Коренастый, с вечно разбитыми коленками и торчащими, как у ёжика, волосами. За ним стояли двое — Кэнта и Рёта, его вечные тени.

Дайку остановился. Не испугался, нет — скорее внутренне приготовился. Он уже знал, что сейчас будет. Он засунул плошку за пазуху, чтобы не разбили.

— Слышь, Дайку, — Таро подошёл вплотную. Он был на голову выше. — А правда, что ты девчонка? Вон рубаха с плеча падает. Девки так ходят.

— Это у меня большая, — тихо ответил Дайку. Не оправдываясь, просто объясняя. — Из папиной перешили.

— А почему тогда не попросишь новую? — хохотнул Кэнта. — А, точно! У вас же денег нет. Вы нищие.

Дайку посмотрел на Кэнту. Не зло. Скорее с любопытством, как на ту гусеницу.

— А ты знаешь, — спросил Дайку спокойно, — что у нищих иногда бывает самое вкусное варенье? Потому что мы сами его варим. Из ягод, которые в лесу растут. А ты своё ешь?

Кэнта открыл рот и закрыл.

Таро рассердился, что подручный оплошал. Он толкнул Дайку в плечо — не сильно, но достаточно, чтобы тот сделал шаг назад и чуть не упал в грязь.

— Не умничай! — рявкнул Таро. — Ты вообще боишься всего! Даже в тёмный сарай зайти не можешь. Трус!

Дайку восстановил равновесие. На штанине проступило мокрое пятно, но он не стал отряхиваться — только переставил плошку удобнее за пазухой.

— Боюсь, — согласился он. Потом подумал секунду и добавил: — Но это не стыдно. Я однажды папу спросил, боится ли он грозы. Он сказал, что боится. Но всё равно идёт в лес. Значит, можно бояться и делать.

Таро замер. Он не ожидал такого ответа. Мальчишки за его спиной переглянулись.

— Ты... ты вообще странный! — выпалил Таро и уже хотел толкнуть снова, но Дайку вдруг протянул руку.

— Ты сегодня не завтракал? — спросил он. — У тебя лицо бледное. Хочешь, я принесу тебе лепёшку? Мама пекла вчера. Она вкусная, правда.

Рука Дайку была тонкой и чистой, хотя он шёл по грязной дороге. Таро посмотрел на неё. Потом на лицо Дайку — на эти огромные глаза, в которых не было ни капли зла. Только искренняя забота.

— ...С дураком не интересно, — буркнул Таро и развернулся. — Пошли, парни. Он ненормальный.

Кэнта и Рёта потянулись за ним. Но уже на полпути Кэнта оглянулся и крикнул:

— Эй, Дайку! А лепёшка... с чем?

— С черникой! — ответил Дайку и улыбнулся так, что ямочки на щеках стали глубже.

— ...принеси, — буркнул Кэнта и убежал догонять Таро.

Дайку выдохнул. Поправил рубаху. Пощупал плошку — целая. И пошёл дальше, к тётке Марико. По пути он успел заметить, как кошка перебежала дорогу (слева направо — к удаче, так бабушка Ёсида говорила), как ветер шевелит сухую былинку на крыше и как облако похоже на спящую овечку. Он не обижался на Таро. Ни капли. «Может, у него просто живот болит, — подумал Дайку. — Или мама поругала. Надо будет правда лепёшку принести».

Вечером того же дня

— Дайку-тян, — спросила мама, когда он вернулся с солью (и по дороге ещё задержался — помог старому Ёсиде втащить мешок с травами на крыльцо). — Почему у тебя штанина мокрая?

— Упал, — честно ответил Дайку. — Ничего страшного.

— Кто тебя толкнул? — спросил отец из-за стола. Голос у него был ровный, но Дайку уловил напряжение.

— Никто, — сказал Дайку. — Я сам споткнулся. Там коряга торчит.

Хиро посмотрел на сына. Сын посмотрел на отца своими честными золотистыми глазами. Хиро вздохнул. Усы у него дрогнули.

— Если что — ты скажи, — только и сказал он.

— Хорошо, папа, — кивнул Дайку.

Он не сказал. Не потому, что боялся. А потому, что не видел смысла делать из мухи слона. Таро просто глупый. И голодный. А голодных нельзя наказывать — их надо кормить. Дайку взял с полки кусок чёрствой лепёшки, завернул в тряпицу и тихонько вышел во двор. А потом — к плетню, за которым жил Таро.

— Эй, — позвал он шёпотом.

Никто не ответил. Тогда Дайку положил свёрток на камень у забора и ушёл. Утром лепёшки не было. Таро при встрече посмотрел на Дайку странно — и ничего не сказал. Даже не толкнул. Это уже было маленькой победой.

Глава 3. Как Дайку помогал Ёсиде и узнал секрет сухой мяты.

Старый Ёсида жил на отшибе, ближе к лесу, чем к деревне. Его дом — совсем крошечный, с одной комнатой и сенями — приткнулся к старому дубу, будто гриб-трутовик. Зато огород у Ёсиды был славный: грядки с мятой, шалфеем, ромашкой, какой-то колючей травой, которую даже задиры боялись трогать. Ёсиде было под семьдесят, а может, и все восемьдесят — никто точно не знал. Лицо его напоминало печёное яблоко: всё в морщинах, но с весёлыми, ещё живыми глазами. Борода — седая, свалывшаяся, как войлок. Ходил он с палкой, но не потому, что ноги не держали, а потому, что спина гнулась — годы работы над травами сделали своё дело. Травником Ёсида был единственным во всей округе. Люди из соседних деревень иногда привозили больных к нему. А в Хамилтоне его и боялись, и уважали. Боялись — потому что он мог и отравить, если захочет (ходили слухи, что он знает такие корни, от которых человек уснёт и не проснётся). Уважали — потому что он никому не отказывал. Лечил лихорадку, боль в животе, чирьи, даже лошадей. Ёсида не любил шумных и болтливых. Поэтому среди детей деревни он терпел только Дайку. Тот не задавал лишних вопросов, не орал, не бегал по грядкам. Мог подолгу сидеть на крыльце, просто смотреть, как Ёсида сушит травы, и изредка подавать то, что старик просит.

Именно так и началась их дружба.

— Эй, Дайку, — позвал Ёсида в одно хмурое утро. — Иди-ка сюда. Руки нужны.

Дайку как раз нёс молоко от соседней козы (мама сказала занести бабушке Хару, но бабушка уже спала, и Дайку оставил крынку на лавке). Он услышал голос Ёсиды, поставил пустую уже посуду на забор и подошёл.

— Здравствуйте, дедушка Ёсида, — сказал Дайку тихо и поклонился.

Ёсида крикнул. Он не любил «здравствуйте» — слишком много звуков.

— Помоги перебрать вот это, — буркнул он и ткнул в сторону кучи сухих стеблей, разложенных на рогоже. — Зверобой от листьев отдели. Только аккуратно, не перемешай. Листья — в левую миску, стебли — в правую. Понял?

Дайку кивнул и присел на корточки. Его тонкие пальцы взялись за дело. Сначала он повертел один стебель, понюхал. Пахло горьковато и свежо — как лес после дождя.

— А зачем отдельно? — спросил он осторожно.

Ёсида глянул на него из-под лохматых бровей. Обычно он на вопросы детей рычал: «Помалкивай и делай». Но Дайку... в Дайку было что-то, от чего Ёсида смягчался. Может, глаза эти золотистые, слишком умные для ребёнка.

— Листья — для отвара от жара, — проворчал Ёсида, садясь рядом на чурбак. — Стебли — для мази. Если порежешься. Понял?

— Понял, — сказал Дайку и улыбнулся. Ямочки на щеках стали глубже. — Вы очень умный, дедушка.

— Не умный, — буркнул Ёсида. — Старый. Это разные вещи.

Дайку перебирал дальше. Молчал минуту, потом спросил снова:

— А эта трава с колючками — она кого лечит?

— Та — чертополох. От испуга. Если человек боится сильно — кладут под подушку.

— А если я боюсь темноты? — спросил Дайку и тут же покраснел до ушей, будто проговорился о чём-то постыдном.

Ёсида посмотрел на него. Не насмешливо, а внимательно — как врач смотрит на больного.

— Темноты не бойся, — сказал он и голос его впервые стал мягче. — В темноте нет ничего, чего нет при свете. Просто не видно.

Дайку задумался. Пожевал губу.

— А вдруг там кто-то есть, кого при свете не видно?

— Тогда тем более бояться нечего, — хмыкнул Ёсида. — Если его при свете не видно — значит, он не настоящий. Настоящее всегда видно. Даже в темноте.

Они помолчали. Дайку перебрал уже половину кучи. Действовал он медленно, но аккуратно — ни один листик не попал не туда.

— Дедушка Ёсида, — снова заговорил Дайку. — А вы почему один живёте?

Старик замолчал. Долго. Достал кисет, свернул самокрутку, прикурил от уголька (всегда носил с собой кусочек трута). Дым пополз вверх, смешиваясь с туманом.

— Жена умерла, — сказал наконец Ёсида. — Дочка замуж ушла, в дальнюю деревню. Редко пишет. Сын погиб на охоте лет десять назад.

Дайку перестал перебирать. Поднял глаза.

— Мне жалко, — сказал он тихо. Простые слова, без всякой выдумки.

Ёсида хмыкнул и потрепал Дайку по макушке. Рука у него была сухая и тёплая, пахло мятой и дымом.

— Иди ты, — сказал старик незло. — Добрый слишком. Мир тебя съест.

— Не съест, — серьёзно ответил Дайку. — Я маленький и худой. Меня много не надо.

Ёсида вдруг засмеялся — впервые за долгое время. Кашлянул, замахал рукой.

— Ладно, закончил. Ступай домой. Мать беспокоится.

Дайку встал, отряхнул колени. Посмотрел на свою работу — все стебли и листья лежали ровными кучками.

— А можно я завтра приду? — спросил он. — Помогу ещё. Только если вам не мешаю.

Ёсида сделал вид, что разглядывает самокрутку.

— Мешаешь, — проворчал он. — Страшно мешаешь. Так что приходи после обеда. Ромашку надо будет перебрать, лишние руки нужны, а то одному тяжело.

Дайку снова улыбнулся так, что ямочки стали глубже, поклонился и побежал домой. Ёсида смотрел ему вслед. Тоненький, как тростинка, рубаха болтается, волосы чёрные пушатся. Бежит, спотыкается о кочку, не падает — смеётся. «Сила в нём есть, — подумал старик. — Не магическая, нет. Другая. Редкая».

Он докурил, погасил окуроч в грязи и побрёл в дом перебирать коренья. Один — так один. Но завтра снова будет этот пацан с глазами, полными звёзд. И в доме станет чуть теплее.

Вечером того же дня

— Мама, — спросил Дайку, лёжа на своём тюфяке и глядя в потолок. — А дедушка Ёсида один. Может, ему лепёшку отнести?

— Отнесём, — улыбнулась мама Рен. — Обязательно.

— Он говорит, я добрый слишком. Это плохо?

Мама подошла, поправила одеяло. Поцеловала его в лоб.

— Это не плохо, Дайку-тян. Это — самое лучшее, что в тебе есть. Никогда не меняйся.

Дайку закрыл глаза и улыбнулся в темноту. И уже засыпая, подумал: «Завтра у Ёсиде ромашка. Хорошо. Ромашка пахнет летом».

С того момента прошло три года. Дайку девять. Он уже не тот хрупкий «дрыщ», хотя худоба осталась. Но появилась жилистость, ловкость и новая уверенность. И главное — он помогает отцу и учится тому, что нужно мужчине в деревне. Три года пролетели для Хамильтона незаметно — как сухие листья по ветру. Дайку вытянулся. Из тонкого, похожего на былинку мальчика превратился в... ну, скажем так, в более высокую былинку. Он всё ещё был худым — локти острые, коленки узловатые, рёбра проступают, если глубоко вдохнуть. Но в этой худобе появилась жёсткая жилка. Мышцы — не бугры, как у взрослых каменщиков, а такие плотные верёвочки под кожей. Когда он напрягал руку, становилось видно, как перекачиваются тонкие, но крепкие сухожилия. Всё началось с того, что однажды отец сказал:

— Сынок, ты слишком лёгкий. Ветер унесёт.

Было это вскоре после седьмого дня рождения. Дайку тогда попытался помочь отцу втащить мешок с мукой в дом — и чуть сам не влетел в мешок, а мешок в него. Хиро поймал сына за шиворот и поставил на ноги.

— Слабее котёнка, — проворчал он, но без злобы. — Ладно. Будем тебя укреплять.

И начались ежедневные упражнения. Совсем простые поначалу: приседания (держась за отцовскую руку, пока не начал держать равновесие), отжимания от земли (на коленях, потому что на носках Дайку падал носом в траву), бег вокруг огорода (пять кругов утром, пять вечером). Дайку не жаловался. Ему даже нравилось. Во-первых, потому что это было время с папой — редкое, когда Хиро не уходил на рассвете. А во-вторых, потому что он заметил: после упражнений есть хочется зверски. А есть — это было отдельное счастье.

— Мама, можно добавки? — стал спрашивать он всё чаще.

Рен только улыбалась и подкладывала ещё каши или похлёбки. Кормить сына — её тайная радость. И хотя в доме по-прежнему не было богатства, еды стало чуть больше: Дайку помогал отцу ловить рыбу и ставить силки, так что мясо и рыба на столе появлялись чаще.

Познание первых занятий «Рыбалка» и «Охота».

Первая рыбалка запомнилась Дайку навсегда. Отец взял его на заре, когда туман ещё стелился над речкой Выюн — узкой, холодной, но рыбой богатой.

— Смотри, — сказал Хиро, показывая, как насаживать червя. — Нежно. Не проколи себя.

Дайку смотрел, затаив дыхание. Пальцы у него дрожали — не от страха, от волнения. Червяк был скользкий и тёплый, Дайку на секунду пожалел его. Но отец сказал: «Рыбе тоже есть надо. Червяк — это не жестокость, это жизнь». Дайку кивнул и сделал, как учили.

Клёв начался через полчаса. Первую рыбу — небольшого окунька — вытащил сам Дайку. Леска натянулась, поплавок нырнул, и Дайку так испугался, что чуть не выронил удилище.

— Тяни! — скомандовал отец. — Плавно, не дёргай.

Дайку потянул. Окунь блеснул чешуёй в воздухе и шлёпнулся в траву. Маленький, с ладошку. Но для Дайку он был величиной с дракона.

— Я поймал! — выдохнул Дайку. Глаза его горели золотыми искрами. — Папа, я сам!

— Сам, — кивнул Хиро, и в уголках его строгих губ пряталась улыбка. — Теперьними с крючка. Осторожно.

Дайку снял. Подержал рыбу в ладонях — холодную, живую, трепыхающуюся. Потом отпустил? Нет. Это была еда. Дайку вздохнул, положил окуня в плетёную корзинку.

— Прости, — шепнул он рыбе. — Но ты вкусная. Мама зажарит.

После рыбалки они с отцом сидели на берегу, жевали хлеб с солью и смотрели, как туман тает. Дайку прислонился к отцовскому плечу и подумал: «Я счастливый».

Восьми лет Дайку впервые попросился на охоту. Хиро сначала отказал — сыну рано, опасно. Но Дайку смотрел своими честными глазами и говорил тихо, но твёрдо:

— Папа, я могу быть полезным. Я тихий. Я не спугну дичь. Я буду слушаться.

Упрямство у Дайку было особенное — не крикливое, а какое-то... водяное. Как река: мягкая, но если на пути камень — огибает, и течёт дальше. Хиро сдался.

— Ладно. Сначала научись стрелять из лука.

Лук Хиро смастерил сам — из молодого вяза, тетиву из высушенных жил. Для Дайку — маленький, полегче. Первое время мальчик даже натянуть его не мог — пальцы скользили, лук дрожал. Но он тренировался каждый день. Привязывал тряпичную мишень к плетню и стрелял. Стрелы летели куда угодно, только не в цель. Однажды чуть не попала в курицу — тётя Марико потом долго ругалась. Ёсида, который наблюдал за этими попытками со своего крыльца, посоветовал:

— Дыши, парень. Выдох — и пускай. Не держи. Чувствуй, как тетива хочет уйти.

Дайку послушался. Сделал глубокий вдох, выдох — и впервые стрела вошла в соломенную мишень. Не в центр, а с краю. Но попала.

— Получилось! — закричал он и подпрыгнул.

С той поры он не пропускал ни дня. К девяти годам Дайку уже мог уверенно поражать мишень с десяти шагов. Отец начал брать его в лес — сначала просто за силки проверить, потом и на мелкую дичь. Первая добыча — заяц, попавшийся в силки. Дайку смотрел на тёплое, ещё живое тельце, и сердце его сжималось.

— Не смотри на него, — сказал Хиро. — Смотри на то, что мать сварит суп.

Дайку кивнул. Он всё равно посмотрел. Прошептал: «Спасибо тебе, заяц. Я тебя не зря взял». И помог отцу освежевать добычу — руки уже не дрожали, двигались уверенно.

Глава 4. Как изменилось тело и жизнь.

К девяти годам Дайку стал выше на целую голову, чем три года назад. Острые плечи, длинные руки, тонкая шея — но под тонкой кожей уже не просто кости, а жилистые, упругие мышцы. Когда он раздевался у реки, Таро (который перестал его задира́ть, но иногда подкалывал) говорил:

— Ты как голодный кот. Один мех и кости.

— Зато быстрый, — улыбался Дайку и нырял в воду. Плавал он теперь как рыба.

Бегать он тоже научился быстро. Не спринт, а долгий, ровный бег — от деревни до леса и обратно. Когда он бежал, рубаха развевалась, волосы летели назад, и казалось, что вот-вот оторвётся от земли. В быту всё стало проще. Носить воду — плевое дело. Помогать отцу колоть дрова? Дайку ставил полено, размахивался — и топор входил ровно. Правда, после трёх поленьев он выдыхался, но паузы делал короткие.

— Хорош, — сказал однажды Хиро, глядя на сына, который таскал мешки с мукой (теперь уже не падая). — Из тебя выйдет толк.

Дайку покраснел от похвалы, но внутри разлилось тепло. Он больше не был «дрыщом», над которым смеются. Он был жилистым, выносливым и очень старательным. Но самое главное — он не изменился внутри. Всё так же помогал тёте Марико, носил лепёшки Ёсиде, играл с Мико (ей уже три, она бегала за ним хвостиком и кричала «Дай-ку-тян!»). Всё так же улыбался с ямочками и краснел до ушей. Всё так же любил смотреть на облака и задавать вопросы.

— Дедушка Ёсида, — спросил он как-то, перебирая шалфей. — А если бегать каждый день, можно стать самым быстрым в мире?

Ёсида хмыкнул.

— Зачем тебе?

— Чтобы помогать быстрее. Успевать больше. И чтобы папа не волновался, если я один в лес хожу.

Ёсида посмотрел на него через стол.

— Не перерастешь ты свои штаны, Дайку. Вырастешь большим, а сердце останется маленьким. И это хорошо.

Дайку не понял, хорошо это или плохо, но улыбнулся. И побежал домой — быстрым, пружинистым бегом, подпрыгивая на кочках. Ветер свистел в ушах. Земля казалась лёгкой.

Вечером

— Папа, — сказал Дайку, когда они сидели у очага. — А завтра мы пойдём на охоту? Я стрелы новые сделал. Тяжелее, летят дальше.

— Если дождь не пойдёт, — кивнул Хиро.

— А можно я возьму лук самодельный? Тот, который я из орешника выстругал?

— Возьми.

Мама Рен смотрела на них из-за прялки. На мужа — сурового, но оттаявшего рядом с сыном. На сына — худого, жилистого, с горящими глазами. И думала: «Вырастает наш Дайку. Скоро совсем взрослым станет». Вздохнула и улыбнулась.

— Дайку-тян, иди спать. Завтра рано вставать.

— Спокойной ночи, мама. Спокойной ночи, папа.

Он лёг на свой тюфяк, прижал к груди любимый лук (маленький, не для охоты, а просто так, трогательный) и закрыл глаза. За окном шуршал дождь. В доме пахло хлебом и травяным чаем. Дайку спал, и во сне он увидел странную девушку, сидящую за чем-то квадратным, там еще картинки переключались очень реалистично, а рядом сидит маленькая девочка, и чем-то хрустит, Дайку не знает что это, да и не важно. Это просто сон, который на утро Дайку да же и не вспомнил. Пока что это был просто сон.

В тот день удача была на стороне Дайку. С самого утра он ушёл в лес — отец остался дома чинить крышу, а мать попросила принести хоть какую-то дичину. Дайку взял свой лук, самодельные стрелы (с наконечниками из обожжённого дерева) и ушёл до рассвета. Лес встретил его сыростью и птичьим гомоном. Дайку шёл бесшумно — в этом он наловчился за год. Ставил ноги с пятки на носок, дышал через нос, каждые десять шагов останавливался и слушал. Трава мокрая, штанины промокли до колен, но он не обращал внимания. К полудню он подстрелил двух кроликов — не из лука, а из силка, который проверил. Кролики уже остыли, Дайку повесил их за лапки на пояс. Можно было возвращаться. Но что-то шевельнулось в груди — любопытство, то самое, которое всегда вело его дальше. За оврагом начиналась старая лесная дорога, которой почти не пользовались. Дайку решил выйти на неё, посмотреть, не видно ли грибных мест. Но вместо грибов увидел повозку. Она стояла поперёк дороги, наполовину съехав в кювет. Крытая, добротная, с резными бортами — таких в Хамильтоне отродясь не бывало. Лошадь — серая, крупная — била копытом и тревожно ржала. А вокруг повозки, пригнувшись к земле, шли волки. Трое. Нет, четверо. Серые тени, скользящие между стволами. Глаза — жёлтые, голодные. Дайку замер. Сердце бухнуло и заколотилось где-то в горле. Он

никогда не видел волков так близко. А потом из повозки донёлся звук. Тоненький, сдавленный всхлип. Там кто-то был.

«Не лезь, — сказал ему внутренний голос голосом матери. — Ты маленький, у тебя лук и деревянные стрелы. Беги в деревню, позови взрослых».

Но ноги не побежали. Дайку выдохнул, достал стрелу, вложил в лук. Руки не дрожали — странное спокойствие разлилось по телу. Он шагнул из-за куста.

— Эй! — крикнул он. Голос прозвучал звонко и, как ему показалось, жалко. — Уходите! Пошли прочь!

Волки обернулись. Самый крупный — вожак — оскалился. Пасть красная, капли слюны.

— Я серьёзно! — Дайку натянул тетиву. — У меня лук!

Вожак сделал шаг к нему. Другой волк, помельче, прыгнул на повозку. Раздался девичий крик — высокий, испуганный. Дайку выстрелил. Стрела вонзилась в землю перед мордой вожака. Тот дёрнулся, рыкнул — но не отступил. Только рассвирепел.

— Проклятье, — прошептал Дайку.

Волки двинулись к нему. Все сразу. Серые тела, мелькание лап, класанье зубов. Дайку выстрелил ещё раз. Попал в бок одному из волков — но стрела была тупая, охотничья, для птицы и кролика. Волк взвизгнул, но не упал. Захромал, зарычал и бросился. Дальше Дайку помнил плохо. Успел выхватить нож — маленький, который отец дал для разделки дичи. Чья-то туша ударила его в грудь, он упал на спину. Зубы щёлкнули у самого лица. Он полоснул ножом — попал по морде, раздался визг. Но другой волк вцепился ему в плечо. Боль была такой, что потемнело в глазах. Дайку закричал — не от страха, от боли. Рванулся, ударил ногой. Волк не отпускал. Ещё один схватил за ногу. «Всё, — пронеслось в голове. — Сейчас умру. Мама... папа... Мико...» Он успел подумать, что глупо умирать в грязи, с кроликами на поясе, и что девочка в повозке, наверное, уже тоже... И тут мир взорвался светом. Ослепительно-белая вспышка. Жар, как от печки. И визг — не человеческий, звериный, переходящий в предсмертный хрип. Дайку зажмурился. Волк, сжимавший плечо, вдруг обмяк. Тяжёлая туша упала на грудь, и кто-то сильный отшвырнул её прочь.

— Ты жив? — раздался голос. Взрослый, мужской, очень спокойный.

Дайку открыл глаза. Над ним стоял человек. Пожилой, лет пятидесяти, в строгом тёмном камзоле. Седая стрижка, острые скулы, глаза — светло-серые, почти прозрачные. На руке — странный браслет с мерцающим камнем. Вокруг на земле лежали волки. Четверо. Неподвижно. Ни крови, ни ран — просто мёртвые, будто кто-то выключил их жизнь одним щелчком.

— Ты... — прошептал Дайку. — Вы... магия...

— Да, — коротко ответил мужчина. Он уже повернулся к повозке, протянул руку. — Леди, вы целы? Прошу, выходите.

Из повозки высунулась девочка. Лет восьми, не больше. Волосы светлые, заплетены в сложную косу, глаза голубые — огромные, полные слёз. На ней было красивое платье, испачканное в грязи. Она дрожала.

— С-сэр Олдрич... — пролепетала она. — Волки... они...

— Убиты, леди Элинор. Вам ничто не угрожает.

Девочка спустилась на землю, шатаясь. И тут увидела Дайку. Он лежал в луже крови — своей. Плечо было разорвано, нога тоже горела огнём. Он чувствовал, как что-то тёплое вытекает из тела, и слабость накатывала волнами.

— Он ранен! — воскликнула девочка. — Сэр Олдрич, он... он защищал меня! Я видела! Он стрелял в волков, а потом они на него...

— Вижу, — сэр Олдрич подошёл к Дайку, присел на корточки. Осторожно отвёл разорванную ткань рубахи. — Глубоко. Зверь порвал мышцу.

Дайку попытался улыбнуться. Получилась кривая гримаса.

— Кролики... — прошептал он. — Мои кролики... Они уцелели?

Девочка уставилась на него как на сумасшедшего.

— Ты умираешь, а думаешь о кроликах?!

— Мама просила... дичь принести... — Дайку закрыл глаза. Ему стало очень холодно.

— Не смей умирать, — сказал сэр Олдрич. Голос его изменился — появились командирские нотки. — Слышишь? Ты мальчик с большим сердцем. Такие не умирают просто так.

Он положил руку на плечо Дайку. Браслет на его запястье засветился мягким зелёным светом. Тепло — не обжигающее, как от волков, а приятное, живое — разлилось по телу. Дайку почувствовал, как стягиваются края раны, как перестаёт течь кровь. Боль уходила, уступая место усталости.

— Не шевелись, — приказал маг. — Ещё минуту.

Дайку лежал и смотрел в небо. Сквозь листву пробивались лучи солнца. Зелёный свет мерцал, и казалось, что небо само льёт тепло в его тело.

— Готово, — сказал сэр Олдрич через несколько мгновений. — Шрамы останутся. Но жить будешь.

Он помог Дайку сесть. Мальчик оглядел плечо — чистая кожа, только красноватый рубец, будто заживало неделю. Нога тоже. Даже сил прибавилось.

— Как вы... — начал Дайку.

— Потом, — отрезал сэр Олдрич. — Сначала — слова благодарности.

Он встал, выпрямился и поклонился Дайку — низко, по-взрослому. Рядом тут же поклонилась и девочка, только ниже и неловко.

— Меня зовут Олдрич Райкрофт, я дворецкий и хранитель дома лорда Эштона, — произнёс мужчина торжественно. — Эта леди — Элино́р Эштон, дочь лорда. Наш экипаж сбился с дороги, а затем на нас напали волки. Ты, юный охотник, рискуя жизнью, принял бой и дал нам время. Это благородный поступок.

Девочка подняла голову. Слезы ещё не высохли на её щеках, но в глазах загорелось уважение.

— Ты очень смелый, — сказала она твёрдо. — Ты не убежал. Ты мог бы убежать. Почему ты не убежал?

Дайку пожал плечами.

— Ты плакала. Я слышал. Ну и... нельзя же оставлять человека одного с волками.

Элино́р моргнула. Потом улыбнулась — первый раз за этот день.

— Ты глупый, — сказала она, но без злости.

— Знаю, — согласился Дайку и тоже улыбнулся, показав ямочки. — Мама говорит.

Сэр Олдрич тем временем открыл сундук, стоявший в повозке, и достал небольшой свёрток.

— Это тебе, — сказал он, протягивая Дайку. — Еда. Вяленое мясо, сухари, сыр. И немного лечебных трав — на всякий случай. Не богато, но это всё, что мы можем.

Дайку развернул свёрток. Глаза его расширились — столько еды он не видел разом даже на праздник.

— Это... это слишком много, — запротестовал он. — Я же просто...

— Ты спас жизнь леди Элино́р, — перебил Олдрич. — Если бы не ты, она могла погибнуть, пока я добирался от места, где застряла вторая повозка. Я услышал крик и побежал. Ты подарил мне эти минуты. Это стоит мешка золота, но у меня только еда.

Дайку посмотрел на свёрток, потом на девочку, потом на мёртвых волков.

— Ладно, — сказал он. — Спасибо. Мама будет рада.

— Как тебя зовут? — спросила Элино́р.

— Кондо Дайку.

— Запомню, — кивнула она. — Когда вырасту — я велю отцу отблагодарить тебя по-настоящему.

— Не надо, — смутился Дайку и покраснел до ушей. — Я просто... ну, так вышло.

Сэр Олдрич помог девочке забраться в повозку, сам сел на козлы, взял вожжи. Лошадь успокоилась и фыркнула.

— Дайку, — сказал маг на прощание. — Ты не простой мальчик. Я в тебе что-то чувствую. Береги себя. Миру такие, как ты, нужны.

Он щёлкнул вожжами. Повозка, подпрыгивая на корнях, выехала на дорогу и скрылась за поворотом. Дайку остался стоять посреди леса. На поясе — два кролика. В руках — свёрток с едой. На плече — шрам, которого час назад не было. Он постоял минуту, прислушиваясь к тишине. Потом развернулся и пошёл домой. Ноги подкашивались — магия залечила раны, но сил не прибавила. Но Дайку шёл, улыбаясь и шепча: «Ничего. Дойду. Главное — кролики целы. И девочка жива». Он почти не заметил, что с того момента, как маг коснулся его плеча, что-то изменилось внутри. Что-то тёплое и золотое шевельнулось в груди и затихло. Сила рядом. Скоро она позовёт.

Вечером того же дня

— Где тебя носило? — встретила мать на пороге. И тут же ахнула, увидев рваную рубаху и следы крови. — Дайку?! Что случилось?!

— Всё хорошо, мама, — улыбнулся Дайку. — Волки напали. Но один добрый дяденька меня вылечил. И дал еды. Смотри.

Он выложил на стол свёрток. Рен всплеснула руками.

— Это же мясо! И сыр! Дайку, откуда?

— Я же сказал — дяденька дал. И девочка одна... она была красивая. Платье такое...

— Дайку! — из-за стола встал отец, бледный. — Волки? Ты дрался с волками?

— Немного, — признался Дайку. — Но они уже мёртвые. Дяденька их магией убил.

Хиро и Рен переглянулись.

— Садись, — сказал отец глухим голосом. — И рассказывай всё по порядку.

Дайку сел. Начал рассказывать — сначала робко, потом всё оживлённее. Про повозку, про девочку, про волков, про белую вспышку. И про шрам на плече.

— Мне теперь не страшно, — закончил он. — Я даже не испугался. Только когда кровь пошла — немножко.

Мать заплакала. Отец долго молчал, потом встал и обнял сына — так сильно, что Дайку крякнул.

— Больше один в лес не ходишь, — сказал Хиро хрипло.

— А как же охота? — расстроился Дайку.

— Будем ходить вместе. Ясно?

— Ясно, — вздохнул Дайку.

Но про себя подумал: «Всё равно пойду. Если кому-то нужна помощь — нельзя же не пойти». Вечером они ели вяленое мясо и сыр — настоящее пиршество. Мико визжала от восторга. Дайку сидел счастливый, трогая шрам на плече. И не знал, что где-то далеко, в карете, уезжающей к столице, девочка Элинон рассказывала сэру Олдричу:

— Он был такой худой. И смешной. И кроликов тащил. Но когда волки побежали на него — он не отступил. Даже шага не сделал назад.

— Да, леди Элинон, — кивнул маг. — Запомните этого мальчика. Такое не забывается.

— Я запомню, — сказала она. И отвернулась к окну.

Лес оставался позади. Хамилтон исчезал в сумерках. А в покосившемся доме на южной окраине Дайку уже спал, прижимая к груди лук. И во сне он снова бежал по полю — легко, как ветер. И что-то золотое переливалось под кожей, но он не просыпался. Пока не время

Глава 5. Дайку исполняется десять, и он случайно поджигает ветку.

Дайку давно замечал, что с ним что-то не так. Нет, не в том смысле, что он говорил с гусеницами или видел сны наяву. А в том, что после той встречи с волками и магом Олдри-

чем в его теле словно поселился лишний огонёк. Временами пальцы становились тёплыми без причины. Если он злился (а он почти не злился) или сильно чего-то хотел, в груди начинало жечь, будто он глотнул горячего чая. А ещё царапины заживали слишком быстро.

— Мама, смотри, — сказал он однажды, показывая палец, который порезал ножом утром. К вечеру от пореза осталась только тонкая розовая полоска. — Уже прошло.

— Ты всегда быстро заживал, — отмахнулась Рен, но в глазах мелькнуло беспокойство.

Дайку не настаивал. Но любопытство — оно жило в нём отдельным котёнком — царапалось и требовало ответа. Когда ему исполнилось десять, он твёрдо решил: пора разобраться. Эксперимент Он решил провести в лесу. В тот день он отпросился у отца проверить силки. Вместо этого свернул с тропы и ушёл в самую глухую часть леса, где даже старый Ёсида не собирал травы. Там была небольшая поляна, окружённая берёзами, с плоским камнем посередине. Дайку сел на камень, положил руки на колени и закрыл глаза.

— Ну давай, — шепнул он сам себе. — Если во мне что-то есть — покажись.

Он представил тепло. Не то, что от печки или солнца, а своё — внутреннее, которое иногда разгоралось в груди. Он дышал медленно, как учил отец перед выстрелом. И вдруг почувствовал: ладони засветились. Он открыл глаза. Между его пальцами плясали маленькие золотые искры. Не огонь — ещё не пламя, а свет, похожий на тот, что иногда блестел в его глазах.

— Ого, — выдохнул Дайку.

Он сосредоточился сильнее — и искры превратились в язычки пламени. Тонкие, оранжевые, они лизали воздух, но не жгли кожу. Дайку чувствовал жар, но это было приятно, как согреться в холодную ночь.

— Я могу... я маг? — он засмеялся, и от смеха пламя погасло. — Я маг!

Он вскочил на ноги. Внутри всё кипело от восторга. И тут он заметил, что стоит не на камне, а на несколько шагов дальше. Он прыгнул? Нет, он просто сделал шаг — но как-то слишком сильно. Он осмотрел тело. Руки, ноги... Он подпрыгнул — и взлетел на целых два метра вверх, едва не зацепив ветку.

— Усиленное тело, или же я его усиливаю? , — прошептал он, приземляясь на удивление мягко. — Я сильнее и быстрее, чем должен быть.

Для чистоты эксперимента он достал нож — тот самый, которым разделявал дичь — и полоснул себя по ладони. Не глубоко, но до крови. И замер, глядя, как края раны начинают срастаться прямо на глазах. Через десять секунд остался только красноватый след. Через минуту — ничего.

— это де, заживление, нет, точно, это высокоскоростная регенерация. — сказал Дайку. Голос дрожал — от страха или радости, он сам не понял. — У меня магия огня, усиление тела и регенерация. Это... это же три дара.

Он постоял на поляне, переваривая. Потом посмотрел на сухую ветку, протянул руку — и ветка вспыхнула свечой за три шага.

— Мамочки, — выдохнул Дайку и быстро затушил пламя ногой.

Надо было возвращаться. И рассказывать родителям.

Вечером, когда сестрёнка Мико (ей уже четыре, и она ужасно болтливая) уснула, Дайку попросил маму и папу сесть у очага.

— У меня есть что сказать, — начал он. Обычно тихий, сейчас его голос звучал твёрже обычного.

— Что-то случилось? — Рен тут же напряглась. — Ты не заболел?

— Я здоров, мама. Даже слишком здоров. — Дайку поднял руку. На секунду сосредоточился — и на ладони вспыхнул маленький огонёк. Не обжигающий, ровный, тёплый.

Хиро поперхнулся воздухом. Рен вскрикнула и прижала руку к груди.

— Сын... — отец подался вперёд. — Это что?

— Магия, папа. Я маг. — Дайку погасил огонь. — И не только огонь. Я могу сделать себя сильнее и быстрее. А раны у меня заживают мгновенно. Смотри.

Он порезал палец ножом — родители ахнули — и показал, как ранка затягивается прямо сейчас.

— Вспомни, мама, — сказал Дайку. — Ты всегда говорила, что я быстро заживаю. Это оно. Я просто не знал.

Рен закрыла лицо руками. Хиро обнял жену за плечи, но сам смотрел на сына с каким-то новым, почти благоговейным выражением.

— Ты... ты уверен? — спросил отец хрипло. — Это не шутка?

— Я могу поднять твой сундук одной рукой, — серьёзно ответил Дайку. — Пойдём, покажу.

Он подошёл к отцовскому сундуку с инструментами — тяжёлому, с железными уголками — и поднял его над головой одной рукой, как пустую корзинку. Поставил обратно.

— Видите? Я сильнее обычного человека в несколько раз.

Хиро выдохнул. Помолчал. Потом повернулся к жене.

— Рен. Твоя бабушка говорила, что в вашем роду были маги. Помнишь?

— Помню, — прошептала Рен, убирая руки от лица. — Я думала, это сказки. Дед рассказывал, что его дед умел зажигать свечи взглядом. Но... мы обеднели, дар угас. Или не угас? — Она посмотрела на сына. — Дайку, это наследство. От меня. От моих предков.

— Значит, я не сумасшедший, — улыбнулся Дайку. — Хорошо.

— Ты бы ни за что не стал сумасшедшим, — твёрдо сказала мать. — Ты — мой свет.

Отец встал, прошёлся по комнате. В тесной избе это было три шага туда-обратно.

— Если он маг, — сказал Хиро, — то ему нужен учитель. Иначе он себя погубит или других. Я слышал, в столице есть школа для магов. Но она платная. Дорогая.

— А там же есть бюджет, — вдруг вспомнила Рен. — Кажется, называется «казённый кошт» или «стипендия». Для бедных, но одарённых. Моя троюродная сестра как-то говорила... Её сына взяли бесплатно, потому что у него был сильный дар.

— Правда? — оживился Дайку.

— Не знаю, правда или нет, — вздохнула Рен. — Но проверить стоит. Если ты и правда владеешь тремя видами магии — тебя обязаны взять. Такие не рождаются каждый день.

Хиро остановился и посмотрел на сына. Долго. Потом сказал:

— В столицу — неделя пути. У нас нет денег на дорогу. И на жизнь там. И...

— Папа, — перебил Дайку мягко. — Я могу охотиться по дороге. Могу работать. И если меня возьмут на бюджет — там, наверное, кормят. Я справлюсь.

— Ты ребёнок, — возразил Хиро.

— Мне десять. Взрослые в деревне в десять лет уже пахут, — ответил Дайку. — А я ещё и маг. Я справлюсь, папа. Честно.

Рен заплакала. Хиро сжал кулаки, потом разжал.

— Если мы тебя отправим, — сказал он тихо, — мы можем больше не увидаться. Столица далеко. Дороги опасны.

— Тогда пойдём вместе, — предложил Дайку. — Все. Ты, мама, Мико. Найдём там работу. Я буду учиться, а вы — жить рядом. Я думаю каменщики там нужны, да и кондитеры, повара думаю тоже, мы справимся.

Хиро и Рен переглянулись. Покинуть Хамилтон? Всё, что они знали? Ветхий дом, соседей, колодец с журавлём, старую иву... Это было страшно. Но сын смотрел на них золотистыми глазами, в которых горел настоящий огонь — не магический, а тот, что называется надеждой.

— Ладно, — сказал Хиро. Голос его дрогнул. — Попробуем. Соберёмся за неделю. Продадим, что можем. И пойдём в столицу. В эту... как её...

— Академия магии «Золотой Феникс», — подсказал Дайку. Он услышал это название от купца, который заезжал в Хамильтон прошлой осенью. — Говорят, лучшая в королевстве. И у них есть бесплатное обучение для талантливых детей из бедных семей.

— «Золотой Феникс», — повторила Рен. — Символ огня и возрождения. Подходит тебе, Дайку-тян.

Дайку обнял мать. Потом отца. Потом побежал в угол, где спала Мико, и поцеловал сестру в макушку.

— Мы едем в столицу, Мико-тян, — прошептал он. — Ты увидишь большой город. И я стану настоящим магом.

Мико не проснулась. Только чмокнула во сне и перевернулась на другой бок.

А за окном, над лесом, вставала луна — круглая, жёлтая, похожая на глаз. Будто кто-то очень большой и древний смотрел на покосившийся дом на южной околице и улыбался.

Том 2

«Тень прошлого длиннее всего в час перед рассветом.»

Глава 1. Дорога в неизвестность.

Дайку проснулся затемно. В доме пахло печёным хлебом и дорогой — так мама Рен называла запах узелков, верёвок и старых башмаков, которые она перевязывала всю ночь. За тонкой стенкой всхлипывала Мико — ей не нравилось, что её разбудили ни свет ни заря.

— Вставай, — сказал отец, сидя на корточках у очага. Он не спал всю ночь, и это было видно по красным глазам. — Пора.

Дайку сел на тюфяке. Сердце колотилось, но не от страха, а от предвкушения. Он быстро умылся из ведра, натянул самую крепкую рубаху (ту, что штопала мама, но хотя бы без дыр) и вышел во двор. Возле крыльца стояла тележка — не их, одолжили у кузнеца за горсть медяков. Хиро уже увязал скarb: сундук с одеждой, мешок с вяленным мясом и крупой, запасную упряжь, топор и луки. Два лука — отцовский большой и Дайкин, самодельный. Рядом сиротливо приткнулся мешок с травами от Ёсиды.

— Дедушка, — тихо сказал Дайку, глядя на калитку.

Старый травник пришёл сам. Ковылял с палкой, опираясь на неё больше обычного. Лицо его было хмурым, но глаза — влажными.

— Держи, — буркнул Ёсида, протягивая маленький холщовый мешочек. — Там сушёная полынь от порчи, зверобой от ран и щепотка корня мандрагоры. Если кто магией навредит — мандрагора пожелтеет. Понял?

— Понял, дедушка, — Дайку поклонился низко, до земли. — Спасибо вам за всё.

— Иди уже, — проворчал Ёсида и отвернулся. Но Дайку видел, как морщинистая рука старика дрогнула.

— Я буду писать, — пообещал Дайку. — Как научусь писать хорошо. Мама меня научит в столице.

— Пиши, — буркнул Ёсида. — Я неграмотный. Но соседская девчонка прочтает.

Они обнялись — худой, мальчик и сгорбленный старик. Ёсида пах мятой и дымом, как всегда. Подошла тётя Марико, всхлипывая, сунула Дайку краюху хлеба.

— Береги мать, — сказала она. — И себя береги. Ты у нас герой.

— Я постараюсь, — улыбнулся Дайку, краснея.

И тут появился Таро. Ему было уже одиннадцать, он вытянулся и перестал быть главным задирой — другие мальчишки подросли. Он мялся у плетня, потом шагнул вперёд.

— Эй, Дайку, — сказал он грубовато. — Ты это... Не помирай там.

— Постараюсь, — серьёзно ответил Дайку.

Таро сунул ему что-то тёплое — лепёшку с черникой. Ту самую, которую когда-то Дайку оставлял у забора.

— Я... короче, прости, что задираю, — выдавил Таро и, не дожидаясь ответа, убежал.

Рен позвала всех. Хиро взобрался на козлы, Рен села рядом с Мико на коленях. Дайку вскочил в тележку сзади, рядом с мешками.

— Трогай, — сказал Хиро.

Лошадь — старая, но ещё бодрая кобыла по кличке Ветка — дёрнула, и тележка покати-лась по разбитой дороге мимо колодца, мимо ивы, мимо церквушки без колокола.

Дайку смотрел назад, пока крыши Хамильтона не скрылись за холмом. Ему показалось, что старая ива помахала веткой. Или просто ветер подул.

Он вытер глаза — пыль попала, просто пыль.

— Мама, а пока мы едем, расскажи про измерения, ну, как его, единицы измерения, — попросил Дайка.

— Хорошо, сынок, только слушай внимательно, — спокойно ответила Рен.

— Во-первых, расстояние. Один палец (это наши два сантиметра) немного, — она показала фалангу. — Одна стопа — уже больше (примерно тридцать сантиметров) как моя рука. Ещё есть сажень (два метра) почти как твой папа, но чуть больше. И поприще (пять километ-ров) большое расстояние, примерно от нашего дома до главной дороги в лесу.

Рен ненадолго приуныла.

— Ого, надо запомнить! А как время? Я раньше не интересовался, но теперь это нужно знать, — глаза у Дайки загорелись.

— Время: один миг (наша секунда) моргнул — вот и миг. Одна доля (минута) заварить чашку зелёного чая. Один свечной час (это час) , вы с папой идёте на тренировку, она у вас длится один свечной час. А один день — двадцать четыре свечных часа, от самого начала до самого конца. Понял, Дайка? — спросила Рен, боясь перегрузить сына.

— Одна доля, свечной час... понятно, запомню. Вот это да, так интересно! — Дайка смотрел в небо.

— Не отлынивай. Теперь вес. Одно зерно (один грамм) , одно зёрнышко, — Рен показала пшеничное зерно. — Один лот (пятьдесят граммов) примерно вес браслета твоей сестры, он из шерсти, лёгкий. И один фунт (пятьсот граммов) , столько весит твоя пустая сумка. Понял?

— Конечно понял! А деньги? Какие они?

— Деньги... один медяк — медная монета, мало, в городе даже хлеба не купишь. Один серебряник — сто медяков, на это можно купить поесть, правда, я сама не знаю городских цен. А один золотой — сто серебряников, это много, я столько в руках не держала, — с грустью сказала Рен.

— Подержишь, любовь моя, обязательно, — ободряюще произнёс Хиро.

— Ну, я вроде понял. Надеюсь, всё запомню. Мне это очень пригодится, — воодушев-лённо сказал Дайка.

— Пригодится, обязательно. А пока отдыхай.

Рен поцеловала сына, и они продолжили путь.

Глава 2. Первая остановка.

К вечеру они проехали всего ничего — четыре поприща по разбитой лесной дороге. Дорога была ужасной: колдобины, корни, грязь, которая засосала бы и тележку, если бы не Ветка. Хиро остановился у ручья, на небольшой поляне.

— Здесь переночуем, — сказал он. — Завтра выедем на большак, там легче.

Рен развела костёр из сушняка. Дайку вызвался набрать хворост — заодно размяться. Он ушёл в кусты на пару сажень и вдруг почувствовал: что-то не так. Лес затих. Это он знал: когда замолкают птицы — значит, рядом хищник. Или хуже.

— Папа, — тихо позвал он, не оборачиваясь. — Тихо.

Хиро мигом оказался рядом с луком. Рен прижала Мико к себе и замерла. Из кустов вышли двое. Грязные, бородатые мужики. Один с ножом, другой с дубиной.

— Добрый вечер, — осклабился первый. — Подвезёте до города? А то ноги стёр.

— У нас нет места, — сухо ответил Хиро, вкладывая стрелу в лук.

— А мы не спросили, — сказал второй и шагнул к тележке.

Дайку шагнул вперёд. Внутри зажглось золотое тепло.

— Пожалуйста, уходите, — сказал он спокойно. — Мы бедные люди. Нам нечего вам дать.

— Цыц, мелочь, — рявкнул первый и замахнулся ножом.

Дайку не думал. Тело среагировало раньше головы — усиление. Он ушёл в сторону, перехватил руку разбойника, сжал запястье. Тот взвыл — кости хрустнули (два зерна усилия — так Дайку потом оценит).

— Я сказал, уходите, — повторил Дайку. И в его глазах полыхнул огонь — настоящий, оранжевый.

Второй разбойник попятился. Первый вырвался и бросился бежать. Через долю оба исчезли в лесу. Дайку отпустил магию. Руки дрожали.

— Сынок, — выдохнул Хиро, опуская лук. — Ты... ты их напугал.

— Я не хотел ломать ему руку, — расстроенно сказал Дайку. — Просто... сам вышло.

— Это хорошо, что вышло, — твёрдо сказала Рен. — Иначе он бы нас зарезал.

Она обняла сына, прижала к себе. Дайку чувствовал, как колотится её сердце.

— Мы справимся, — прошептал он ей в плечо. — Честное слово.

— Я знаю, — ответила мать. — Ты у меня сильный. Не магией — сердцем.

Они поужинали молча, глядя на костёр. Мико уснула на руках у матери. Дайку смотрел на звёзды и думал: «Какая же она огромная, эта жизнь. И как мало мы знали в Хамильтоне». Завтра будет большая дорога. А послезавтра — столица. Он не знал, что его ждёт в академии «Золотой Феникс». Но почему-то не боялся.

Глава 3. Столица: Врата Четырёх Ветров.

После первой остановки дорога пошла легче. Они выехали на большак — широкий тракт, выложенный камнем, с придорожными столбами через каждое поприще. Теперь тележка катилась быстрее, и Хиро даже позволил себе подремать на козлах — Ветка и так знала дорогу. Ещё через два дня они увидели вдали башни.

— Это она? — спросил Дайку, привстав на мешках.

— Она, — выдохнул отец. — Столица. Королевский город.

Они ехали ещё целый свечной час, прежде чем подоברались к стенам. Стены были огромные — добрых три сажени в высоту, из светлого камня, с зубцами и бойницами. В середине блестили кованые ворота, такие широкие, что две тележки могли проехать рядом. Над воротами золотилась надпись: «Врата Четырёх Ветров».

— Почему Четырёх? — спросил Дайку.

— Потому что в столицу ведут четверо ворот, — объяснил отец. — Каждые названы в честь одной из сторон света. Здесь встречают путников с востока.

У ворот толпился народ. Крестьяне с возами, купцы в шляпах, солдаты в кольчугах, нищие, монахи, даже один маг в синей мантии — его пропустили без очереди, и Дайку проводил его жадным взглядом.

— Очередь! — рявкнул стражник в железном шлеме с пером. — Стоять чинно! По одному! Документы предъявить!

— Документов у нас нет, — шепнула Рен. — Мы из глухой деревни, мы даже не знали...

— Мама, не волнуйся, — сказал Дайку. — Я что-нибудь придумаю.

Когда подошла их очередь, стражник окинул их усталым взглядом.

— Откуда?

— Из Хамильтона, — ответил Хиро. — Восточный тракт, семь поприщ за Медвежьим лесом.

— Слышал, — стражник смягчился. — Бедная деревня. Что в столице забыли?

— Сына в академию, — Рен кивнула на Дайку. — У него дар. Огонь, усиление, регенерация.

Стражник переменился в лице. Посмотрел на худого, черноволосого мальчика с золотистыми глазами.

— Три дара? В десять зим? — переспросил он. — Это редкость.

— Можно проверить, — Дайку показал ладонь — на ней замерцал маленький язычок пламени, тёплый и ровный.

— Верю, — стражник отступил. — Проходите. Академия «Золотой Феникс» — в Старом городе, за королевским дворцом. Идите прямо по Главной улице, пока не упрётесь в фонтан. Там свернёте налево. Удачи.

— Спасибо, — Дайку поклонился.

Они въехали в город — и мир изменился.

Дайку никогда не видел столько людей сразу. Они текли по мостовой, как муравьи — кто пешком, кто верхом, кто в каретах. Лавки теснились одна к другой: мясные, хлебные, свечные, оружейные, даже лавка с магическими безделушками — амулетами и светящимися шариками. Дома здесь были в три и четыре этажа, с черепичными крышами и резными ставнями.

— Смотри, Мико-тян, — Дайку показал сестрёнке на уличного фокусника, который выдувал изо рта кольца дыма. Мико захлопала в ладоши и засмеялась.

Но Дайку смотрел не только на красивое. Он видел и нищих в подворотнях — таких же худых, как он сам когда-то. И мальчишку-беспризорника, который украл лепёшку и убежал, а торговец только махнул рукой. И пьяного мужчину, которого вышвырнули из таверны.

«В Хамильтоне бедность была всем понятной, — подумал Дайку. — А здесь она какая-то... злая».

Они ехали почти свечной час, пока не доехали до фонтана — огромной чаши с бронзовой фигурой крылатого змея, из пасти которого била вода.

— Налево, как сказали, — Хиро свернул.

И тут Дайку увидел её. Академия «Золотой Феникс».

Она занимала целый квартал. Высокая ограда из кованого железа с золотыми навершиями. Внутри — парк с ровными дорожками. А за парком — здания из красного кирпича и белого камня, с башенками и шпилями, уходящими в небо. На главной башне светилась огромная эмблема — птица, расправившая крылья в огне.

— Это Феникс, — прошептал Дайку. — Жар-птица, которая возрождается из пепла. Символ академии.

У ворот стояло несколько человек. Двое стражников в форме (красные камзолы с золотым галуном) и пожилой маг в синей мантии — точь-в-точь как тот, которого пропустили без очереди.

— Проходите, — сказал один из стражников, когда Хиро попытался въехать. — Повозки на территорию академии не допускаются. Оставьте здесь, у ворот. Присмотрят.

Они оставили тележку под присмотром. Дайку взял мешок с травами от Ёсиды, лук и немного еды. Рен взяла Мико на руки.

— Сынок, — сказала она, останавливаясь перед воротами. — Мы с отцом подождём здесь. Ты иди один. Если откажут — не страшно. Мы что-нибудь придумаем.

— Не откажут, — сказал Дайку и поцеловал мать в щёку. — Ждите.

Он шагнул вперёд. Тяжёлые железные ворота со скрипом открылись перед ним.

Внутри оказалось прохладно и торжественно. Высокие потолки с росписями. На мраморном полу — ковровая дорожка. В конце коридора — большая дверь из тёмного дерева с медной табличкой: «Приём одарённых».

— Ты один? — спросила молодая девушка в форменном платье (таком же красном с золотом) из-за столика. — Родители не зашли?

— Они ждут снаружи, — ответил Дайку. — У нас нет денег на проезд, но я слышал про бюджет. Казённый кошт.

Девушка посмотрела на него с любопытством.

— Как тебя зовут?

— Кондо Дайку. Десять зим. Родился в Хамильтоне.

— Дай-ка руку, — она протянула маленький кристалл на цепочке. — Положи ладонь.

Дайку положил. Кристалл засветился сначала жёлтым, потом оранжевым, потом — ярко-золотым.

— Три дара, — выдохнула девушка. Она что-то записала в толстую книгу. — Огонь. Усиление тела. Высокая регенерация. Таких в этом году ещё не было. — Она подняла глаза. — Проходи, Дайку. Твою заявку рассмотрит лично директор.

Дайку замер.

— Директор?

— Глава академии, лорд Игнатиус Фламмель. Он лично беседует с самыми талантливыми абитуриентами. Повезло тебе.

Девушка поднялась и повела его к большой двери. Отворила.

— Входи. И не бойся.

Дайку сглотнул. Поправил рубаху (потрёпанную, в заплатках, но чистую) и шагнул за порог. Кабинет оказался огромным — во всю стену окна, книжные шкафы до потолка, глобусы и астроблики на столах. За огромным дубовым столом сидел старик. Совсем старый — с белой бородой до пояса, в фиолетовой мантии, расшитой золотыми звёздами. Глаза у него были пронзительно-синие, но добрые.

— Кондо Дайку? — спросил он голосом, похожим на шорох осенних листьев.

— Да, господин директор, — Дайку поклонился низко, как учила мама.

— Садись, — старик указал на стул. — Расскажи мне, Дайку. С чего ты начал свой путь? Дайку сел. Сердце колотилось, но он взял себя в руки.

— С того, что защитил девочку от волков, — сказал он просто. — А потом понял, что могу зажигать огонь пальцами. И что раны заживают быстрее обычного.

— А зачем ты пришёл в академию?

Дайку подумал. Не про славу, не про богатство. Про маму, которая плакала по ночам, потому что нечем кормить Мико. Про отца, у которого руки в мозолях, но денег всё равно нет.

— Чтобы помогать людям, — ответил он. — По-настоящему. Не только в своей деревне. И чтобы родители мной гордились. И... чтобы больше никогда никто из наших не голодал.

Директор посмотрел на него долгим взглядом. Потом улыбнулся.

— Огня в тебе много, парень. Не только магического. — Он встал, подошёл к окну. — Бюджетных мест всего пять в этом году. Ты — шестой претендент. Но... — старик повернулся. — Я чувствую в тебе что-то особенное. Не дар даже. Душу. Такие, как ты, не должны пропадать в нищете.

Он подошёл к столу, взял перо и написал несколько строк на гербовой бумаге.

— Вот. Приказ о зачислении на полное казённое обеспечение. Жить будешь в общежитии, питание за счёт академии. Форму выдадут. Родителям выделяют небольшое пособие — пусть снимут комнату в городе, пока ты учишься.

Дайку не поверил своим ушам.

— Так... меня взяли?

— Взяли, — кивнул директор. — С первого февраля. Сейчас — осень. У тебя есть две луны, чтобы устроиться. Но жить в общежитии можешь с завтрашнего дня.

Дайку вскочил, хотел броситься обнимать старика, но вовремя одёрнул себя. Поклонился ещё раз, до пола.

— Спасибо вам, господин директор! Спасибо! Я не подведу!

— Знаю, — усмехнулся лорд Фламмель. — Ступай, обрадуй родителей.

Дайку выбежал из кабинета, промчался по коридору, вылетел за ворота — и повис на шее у отца.

— Папа! Мама! Меня взяли! На бюджет! И вам дадут пособие на комнату! Мы не умрём с голоду!

Рен заплакала. Хиро обнял их обоих. Мико захлопала в ладоши, хотя ничего не поняла.

— Я знал, — сказал Хиро хрипло. — Я знал, что ты сможешь.

А Дайку смотрел на золотого феникса на башне и улыбался. Впервые в жизни он чувствовал, что будущее — не тёмное, не страшное. Оно золотое. Как огонь в его ладонях.

Глава 4. Комната на окраине и первый день в общежитии.

После приёма у директора Дайку выбежал из ворот с бумагой в руке — гербовой, с красной печатью. Родители всё ещё ждали у тележки. Мико спала на руках у матери, утомлённая дорогой и впечатлениями.

— Папа, смотри! — Дайку протянул бумагу. — Здесь написано, что мне выделяют место в общежитии и питание. А вам — пособие. Сто серебряников в луну, кажется. Или пять золотых за полгода... я точно не понял, но это много!

Хиро взял бумагу, повертел. Он читал плохо, но цифры разглядел.

— Сто серебряников в луну, — подтвердил он. — Это немного, но на комнату и хлеб хватит. Если не шиковать.

— Надо искать жильё, — Рен огляделась. — Пока Мико не проснулась и не начала капризничать.

Они пошли пешком, ведя Ветку в поводу, по улицам, удаляясь от академии. Ближе к центру цены оказались высокими — Дайку слышал, как торговец жаловался, что «каморка без окна» стоит два серебряника в неделю.

— Нам нужно подальше, — сказал Хиро. — На окраину.

Они дошли до района, который назывался Кожевенные ряды. Здесь пахло дублёной кожей, дымом и дешёвой едой. Дома были ниже, неказистее, зато в одном из дворов женщина вывесила табличку: «Сдаётся комната. Спросить у тётки Хельги».

Тётка Хельга оказалась грузной, краснолицей женщиной с косичками вокруг головы. Она оглядела семейство с ног до головы — потрёпанную тележку, худого мальчика, младенца, усталых родителей — и спросила:

— Надолго?

— На год, — ответил Хиро. — Наш сын поступил в академию. Мы будем рядом, пока он учится.

— А деньги?

— Есть пособие от академии.

Тётка Хельга смягчилась.

— Проходите, покажу.

Комната оказалась на втором этаже, в конце узкого коридора с покосившимися половицами. Дверь скрипнула, когда Хельга толкнула её плечом.

— Вот. Не дворец, но жить можно.

Дайку зашёл внутрь и огляделся. Комната была маленькой — примерно три сажени в длину и две в ширину. Пол из грубых досок, кое-где щели заткнуты паклей. Окно одно, выходит во двор, с подоконником, на котором умещалась только кружка. Стены выбелены мелом, но местами облупились. Мебель: старая кровать с продавленным матрасом, железная койка для Мико (родители приставят её в угол), стол на трёх ножках (четвёртая подставлена щепкой), два табурета и платяной шкаф с отломанной ручкой. В углу — бочка для воды и железная печка-буржуйка.

— Воды на первом этаже, — сказала Хельга. — Отхожее место во дворе. Соседи тихие, только иногда портной на втором этаже храпит. Цена — пятнадцать серебряников в луну. Вода и дрова — отдельно, по два серебряника.

Хиро молчал, прикидывая. Рен подошла к окну, провела пальцем по подоконнику — пыльно.

— Мы возьмём, — сказал Хиро. — На первое время. Если найдём дешевле — переедем.

— Ищите, — хмыкнула Хельга. — Дешевле только в ночлежке. Но это вам не надо.

Она забрала задаток — пять серебряников — и оставила их одних.

Рен вздохнула и начала разбирать вещи. Дайку помог ей, разложил на столе вяленое мясо и сухари. Поставил лук в угол.

— Мам, тут можно жить, — сказал он. — Мы в Хамилтоне жили хуже.

— Я не о том, — мать улыбнулась. — Я рада, что у нас есть крыша над головой. Просто... столица. Всё чужое.

— Мы привыкнем, — сказал Дайку. — А сейчас я пойду в общежитие. Директор сказал, что можно с завтрашнего дня. Но я лучше сегодня — чтобы завтра не опоздать на знакомство.

Хиро кивнул.

— Иди. Мы здесь управимся.

Дайку обнял мать, отца, погладил спящую Мико по голове. Взял свой мешок — травы, смена белья, лепёшка на дорогу — и вышел.

Обратный путь к академии занял половину свечного часа. Дайку шёл быстрым шагом, лавируя между прохожими. Он уже немного ориентировался: мимо фонтана с крылатым змеем, потом прямо до перекрёстка с бронзовой статуей какого-то короля, потом направо — и вот снова золотой феникс на башне.

Общежитие находилось за главным корпусом, в отдельном здании из красного кирпича. Над входом висела вывеска: «Общежитие для казённокоштных и стипендиатов».

— Стукни в дверь, — сказал ему стражник у входа. — Там комендант, госпожа Моррисон.

Дайку постучал. За дверью раздалось тяжёлое «Иду-у».

Открыла женщина лет пятидесяти, с пучком седых волос и в строгом сером платье. Лицо усталое, с безгловым выражением.

— Ты кто?

— Кондо Дайку. Новый студент. Директор сказал, что мне выделили место.

— Бюджетник, — госпожа Моррисон произнесла это слово так, будто пробовала на вкус что-то кислое. — Документы есть?

Дайку протянул бумагу с печатью. Комендант изучила её долго, поворачивая и так, и эдак.

— Ладно, проходи. Место тебе — комната двенадцать, третий этаж. Сосед — Пьетро Ринальди, из-под Венеции. Не потеряй ключ. Обед с полудня до первой доли. Форму получишь завтра. Вопросы?

— Нет, госпожа Моррисон. Спасибо.

— Иди уже.

Дайку взял железный ключ и направился к лестнице. Общежитие внутри оказалось тёмным и гулким. Коридоры пахли казённым супом, воском и бедностью. По стенам висели объявления: «Уважайте чужой сон! Тишина после полуночи!», «Не крадите в столовой!», «Задолжники будут отчислены». Дайку поднимался по лестнице. Навстречу спускались двое парней постарше — лет тринадцати-четырнадцати, в форменных красных куртках с золотыми пуговицами. Они переглянулись, увидев Дайку.

— Это кто? — спросил один, с длинными светлыми волосами.

— Новенький, — ответил второй, коренастый. — И судя по дерюге — из крестьян. Эй, ты, в какую комнату?

— Двенадцать, — спокойно ответил Дайку.

— К Пьетро? — Светловолосый хмыкнул. — Он будет рад. Он тоже из низов.

— Иди давай, не задерживай, — коренастый толкнул Дайку плечом. Просто так, чтобы показать силу. Дайку сделал шаг в сторону, не упал — усиливать тело не стал, но равновесие удержал.

— Извините, — сказал он вежливо и пошёл дальше.

Парни хмыкнули ему в спину. На третьем этаже Дайку прошёл мимо нескольких дверей. Из-за одной доносился громкий смех. Из-за другой — звук колдовства, потрескивание. Его рассматривали. Двери были с маленькими окошками, и любопытные лица мелькали за ними. Он чувствовал взгляды — недоброжелательные, оценивающие, иногда просто насмешливые. Его рубаша в заплатках и домотканые штаны говорили сами за себя. «Ничего, — подумал Дайку. — Меня и в Хамильтоне сначала задирали. Привыкну». Он нашёл комнату двенадцать, вставил ключ в замок и повернул. Комната оказалась маленькой — ещё меньше, чем у родителей. Две кровати, застеленные серыми одеялами, стояли вдоль противоположных стен. Между ними — узкий проход. У одной кровати валялись какие-то вещи — значит, сосед уже заселился. Пол деревянный, скрипучий. Стены голые, кирпичные, кое-где побелка обвалилась. Окно — одно, небольшое, выходит во внутренний двор, где сушилось бельё. На подоконнике стояла засохшая герань в горшке. Мебель: две тумбочки (у одной отломан ящик), платяной шкаф, расписанный чьими-то карикатурами, и письменный стол на двоих — длинная доска на козлах. На столе — чернильница, два пера и толстый фолиант, на котором кто-то написал углём: «Пьетро, не трогай мои записи!» Над каждой кроватью — полка для книг. На полке у соседа стояли какие-то тетради и маленький глиняный горшок с засохшим растением. В углу — рукомойник с медным тазом. На стене — гвоздь для полотенца. Свет давала одна масляная лампа под потолком — тусклая, коптящая. И запах. В комнате пахло сыростью, старыми носками и сухими травами — от последнего Дайку вздохнул с облегчением.

— Не дворец, — сказал он сам себе. — Но и не хлев. Жить можно.

Он выбрал свободную кровать — левую, — положил свой мешок на тумбочку. Снял лук, прислонил к стене. Развернул одеяло — оказалось тонким, но чистым. В этот момент дверь открылась. На пороге стоял парень его примерно возраста — лет десяти-одиннадцати. Он был невысоким, смуглым, с вихрастыми чёрными волосами и острыми, как у хорька, чертами лица. Одет в поношенную, но добротную куртку. В руках — свёрток и кружка.

— Привет, — сказал он с акцентом. — Ты мой новый сосед?

— Да, — Дайку встал и поклонился. — Кондо Дайку, из Хамильтона.

— Пьетро Ринальди, — парень ответил неуклюжим кивком. — Из Розовой Долины. Это на юге. — Он вошёл, бросил свёрток на свою кровать. — Слушай, ты тоже бюджетник?

— Да.

— Хорошо, — Пьетро выдохнул и сел на кровать. — А то в прошлом году у меня был сосед — сынок торговца. Он меня за человека не считал. Говорил, что я «воняю чесноком». У тебя чесноком не пахнет?

— Не знаю, — улыбнулся Дайку. — Я надеюсь, что нет.

Пьетро впервые улыбнулся в ответ. Улыбка у него была кривая, но искренняя.

— Знаешь, Дайку... ты мне нравишься. А на тебя в коридоре уже смотрели косо?

— Уже, — вздохнул Дайку. — Но ничего. Я привык.

— Это академия, — сказал Пьетро. — Здесь либо ты сильный, либо богатый. Если ни то ни другое — ты ничто.

— А если я то и другое? — тихо спросил Дайку, и в его глазах на мгновение вспыхнул золотой огонь.

Пьетро заметил. Поёжился.

— Тогда... тогда мы с тобой, может быть, выживем. — Он протянул руку. — Давай договор. Никогда не ябедничай на меня, я не буду ябедничать на тебя. Если кто-то задирает — защищаем друг друга. Идёт?

Дайку пожал узкую, но крепкую ладонь.

— Идёт, Пьетро. Будем друзьями.

— Друзьями, — эхом отозвался сосед. И, помолчав, добавил: — А ты умеешь готовить? Потому что в столовой — отравы.

— Немного умею, — засмеялся Дайку. — Мама учила.

— Тогда ты бесценен.

Они разобрали вещи, постелили постели. За окном темнело. Где-то внизу хлопнула дверь, послышались голоса. Дайку лёг на кровать, уставился в потолок. Потолок был низкий, с трещиной, похожей на молнию. «Я в столице, — подумал он. — Я в академии. У меня есть сосед-друг. У родителей есть комната. Всё только начинается». Он закрыл глаза и улыбнулся. Завтра — первое занятие. Завтра — новая жизнь.

Глава 5. Первый урок: история мира и магии.

Утро в общежитии. Дайку проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Вставай, соня! — голос Пьетро звучал прямо над ухом. — Первая лекция через две доли. А ты ещё не умывался!

Дайку сел на кровати, протирая глаза. За окном ещё только серело, но сосед был уже одет: красная форменная куртка (ему выдали вчера вечером), штаны до колен, высокие гетры. В руках — мыло и полотенце.

— Форму получишь сегодня, — сказал Пьетро. — А пока надевай что есть. Только быстро.

Дайку натянул свою чистую, но штопаную рубаху. Сунул ноги в башмаки. Умылся ледяной водой из раковины — окончательно проснулся.

— Пошли, я покажу дорогу до Большой аудитории.

Главный корпус Академия «Золотой Феникс» по утрам напоминала растревоженный улей. Студенты в красных куртках текли по коридорам, галдели, смеялись, спорили. Кто-то нёс под мышкой завернутые в пергамент амулеты, кто-то жевал на ходу булку. Пьетро вёл Дайку через внутренний двор, мимо фонтана с каменной жабой (говорят, если погладить — к удаче на экзамене), потом через арку с лепниной, потом вверх по широкой лестнице с коваными перилами.

— Здесь, — он указал на двойные двери из тёмного дуба. — Лекция по «Основам мироустройства и истории магии». У нас принимает старый Игнатий. Ну, ты его видел — директор. Он иногда сам ведёт первый урок для новичков.

— Директор?! — Дайку почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Не бойся, он мухой не обидит, — усмехнулся Пьетро. — Пошли.

Они вошли внутрь. Аудитория оказалась огромной — амфитеатром, с рядами скамей, поднимающихся вверх от кафедры. На кафедре уже стоял пожилой маг в фиолетовой мантии — лорд Игнатиус Фламмель. Рядом висела большая чёрная доска, покрытая белыми руниче-

скими символами. Дайку и Пьетро сели на заднюю скамью — подальше от глаз. В аудитории собралось человек тридцать, в основном такие же новички. Некоторые — в дорогих камзолах, с самоуверенными лицами. Другие — в скромной форме, как Дайку. Он заметил, как несколько парней в первом ряду перешёптываются и показывают на него пальцами. Один, с рыжими волосами и веснушками, громко сказал: «Глядите, нищесброд пришёл». Дайку опустил глаза и сжал кулаки. Пьетро толкнул его локтем:

— Не обращай внимания. Рыжий — Симон Вертекс, сын барона. Ему только дай повод.

— Я понял, — тихо ответил Дайку.

История магии и королевства. Лорд Фламмель поднял руку, и в аудитории стало тихо.

— Доброе утро, юные дарования, — его голос был негромким, но слышался в каждом углу. — Сегодня вы узнаете то, что должен знать каждый маг: откуда появилась магия, как возникло наше королевство и какая угроза до сих пор дремлет за гранью мира.

Он щёлкнул пальцами — и доска засветилась. На ней проступила карта: огромный материк, разделённый на три части. Северная, центральная и южная.

— Внимание. Я расскажу коротко, но ёмко. Вопросы — потом.

Он начал: О появлении магии

— Двенадцать веков назад, — сказал директор, — мир не знал магии. Люди жили обычной жизнью: пахали землю, воевали мечами, строили замки. Всё изменилось в год, который теперь называют Годом Великого Разрыва.

Он показал на карте: из центра материка вырвался огненный столб.

— По легендам, в небе раскрылась трещина — разлом между нашим миром и миром чистого хаоса. Из этой трещины хлынула энергия. Сначала она убивала: земля горела, люди сходили с ума. Но потом... самые сильные духом научились её укрощать. Так появились первые маги.

— Энергию хаоса называли «маной». Люди, способные её впитывать и направлять, получили дары. Огонь, вода, земля, воздух — стихии. А позже — и более сложные искусства: исцеление, усиление тела, изменение материи.

— Древние маги создали первые академии и написали свод правил, чтобы магия не уничтожила мир снова.

О королевстве

— После Великого Разрыва началась эпоха смуты. Мелкие королевства воевали друг с другом за магические ресурсы. Но триста лет назад появился человек, который объединил народы. Его звали Арториус Первый.

— Он был не самым сильным магом, но самым мудрым. Арториус заключил мир с кланами демонов, которые тоже пробудились от магии, и создал единое государство — Королевство Альдион, наше государство.

Директор показал на карте — границы королевства простирались от северных гор до южных морей.

— Династия Арториуса правит до сих пор. Нынешний король — Арториус Седьмой. Он мудр и справедлив. Но его власть не абсолютна: рядом с ним совет магов и парламент лордов.

О Владыке демона Аносе. Голос лорда Фламмеля стал тише и мрачнее.

— Но у мира всегда есть тень. Когда магия проникла в наш мир, из того же разлома пришли не только силы, но и существа. Некоторые из них были разумны. И один стал самым страшным врагом человечества.

— Его зовут Анос, Владыка демонов.

На доске появился рисунок: высокий силуэт в чёрной броне, с горящими красными глазами. Даже изображение, казалось, излучало холод.

— Анос был первым демоном, овладевшим магией хаоса в совершенстве. Он не просто колдовал — он мог уничтожать целые города одним жестом. Он порабощал людей, обращал их в рабов, создавал армии нежити.

Директор помолчал.

— Двести лет назад Анос объявил войну Королевству Альдион. Война длилась двадцать лет. Погибли миллионы. Сгорели дотла три столицы. Маги и рыцари сражались плечом к плечу, но Владыка был слишком силен.

— Как же его победили? — спросил кто-то с первой парты.

— Не победили, — ответил Фламмель. — Запечатали.

Он показал на карте точку на юге, за горами.

— Семь величайших магов того времени объединили усилия и создали Печать Бездны. Они заманили Аноса в разлом и закрыли его своей кровью. Владыка не погиб — он бессмертен. Но он заточён в мире хаоса, и пока печать цела, он не может вернуться.

— Однако печать слабеет, — добавил директор. — Раз в сто лет её нужно обновлять. Для этого требуется семь магов, каждый из которых владеет одним из древних даров. И такие маги рождаются всё реже. Вот почему академия ищет таланты — даже среди бедняков, даже в глухих деревнях. Вы — будущее. Возможно, именно вы станете теми, кто продлит печать. Или, если случится худшее, — теми, кто встретит Аноса в бою.

В аудитории повисла гулкая тишина. Дайку сидел, не дыша. Его голова шла кругом: Владыка демонов, печать, древние маги... А он, худой мальчик из Хамильтона, может стать одним из хранителей? Основы магии. Лорд Фламмель заметил реакцию и смягчил голос.

— Не бойтесь. Анос не вернётся завтра. У нас есть ещё лет двадцать, а то и тридцать. К тому же, сегодня вы начинаете с азов.

Он повернулся к доске. Там появились схемы.

— Магия — это преобразование маны в реальный эффект. Мана находится везде: в воздухе, в земле, в воде, в живых существах. Маг впитывает ману через особые каналы — их называют резонансами.

— У каждого мага есть ядро — маленький кристалл в районе солнечного сплетения. Чем больше ядро, тем больше маны можно накопить и тем мощнее заклинания.

— Заклинания бывают трёх типов:

· Стихийные (огонь, вода, воздух, земля).

· Телесные (усиление тела, регенерация, лечение).

· Ментальные (иллюзии, телепатия, подчинение) — их изучают только с разрешения короны, они опасны.

— Вы, новички, уже прошли первичную диагностику. У кого-то — огонь, у кого-то — ветер, у кого-то — тело. Со временем вы сможете развить до трёх даров. Но это редкость.

Дайку почувствовал, как Пьетро смотрит на него. Тот знал, что у Дайку уже три дара.

— Ваша задача в первом полугодии — научиться чувствовать ману, накапливать её в ядре и расходовать с умом. Перерасход ведёт к истощению, а в худшем случае — к смерти. Магия не игрушка.

Он закрыл доску.

— Вопросы есть?

Дайку поднял руку.

— Да, мальчик с заднего ряда. Твоё имя?

— Кондо Дайку, господин директор.

— Спрашивай.

— Если Владыка демонов когда-нибудь освободится... его можно убить? Или только запечатать снова?

Лорд Фламмель посмотрел на него долгим взглядом.

— Хороший вопрос, Дайку. Ответа я не знаю. Но есть легенда, что когда-нибудь родится маг, чья сила превзойдёт даже Аноса. — Он чуть улыбнулся. — Может быть, это будешь ты? А теперь — всё. Лекция окончена. Завтра — практика по контролю маны.

Аудитория взорвалась гулом. Уставший, но счастливый. День потянулся бесконечно. После истории магии была лекция по алхимии, потом по теоретической магии, потом обед в общей столовой (похлёбка и каша с кусочком мяса — Дайку съел две порции). После обеда — знакомство с учебным планом и выдача формы. Дайку получил две красные куртки, трое штанов, рубашки и башмаки. Всё подогнало по росту — на удивление быстро. В новой форме он чувствовал себя почти как настоящий студент. К вечеру он валился с ног. Голова гудела от новых знаний, в глазах рябило от рун и формул. Он брёл по коридору в общежитие, еле переставляя ноги. В коридоре встретился всё тот же Симон Вертекс с компанией.

— Эй, Дайку из Хамильтона, — усмехнулся рыжий. — Как успехи? Уже сбежал с первой лекции?

Дайку даже не нашёл сил ответить. Он просто посмотрел на Симона пустыми глазами и прошёл мимо.

— Слабак, — донеслось вслед.

Пьетро ждал его в комнате.

— Ну как? — спросил он, заметив измученный вид Дайку. — Накачали знаниями?

— У меня голова лопнет, — простонал Дайку, падая на кровать. — Анос, мана, печать...

Да я даже не выучил, где у меня ядро находится.

— Найдешь, — хмыкнул Пьетро. — У тебя же три дара. Такие быстро учатся.

— Если выживу, — вздохнул Дайку.

Он стянул башмаки, не в силах даже раздеться. Пьетро бросил на него одеяло.

— Спи. Завтра практика. Говорят, самый веселый предмет — можно поджечь соседа.

— Спокойной ночи, — пробормотал Дайку.

Закрывая глаза, он думал о Владыке демонов. О том, каково это — быть самым сильным. И о странной фразе директора: «Может быть, это будешь ты?» Он почувствовал, как в груди шевельнулось тепло — то самое, золотое. Ядро? Возможно. Оно пульсировало в такт сердцу, словно живое. «Я не хочу быть как Анос, — подумал Дайку, засыпая. — Я хочу быть сильным, чтобы защищать. Это другое». Он уснул с улыбкой на губах. В форменной куртке, даже не раздевшись. Пьетро вздохнул, накрыл его одеялом по-человечески, погасил лампу.

— Спи, друг, — прошептал он. — Завтра будет новый день.

А за окном над башней Академии горел золотой Феникс — символ надежды и возрождения. И казалось, птица смотрит прямо на окно комнаты двенадцать, где спал худой черно-волосый мальчик с огромным сердцем.

Том 3

«Клинок, что не гнул, однажды ломается. Научись сгибаться, но не ломаться.»

Глава 1. Искры и струи.

Дайку проснулся засветло. В комнате пахло утренней сыростью и мазью от ушибов — Пьетро натирал колено перед зеркалом.

— Ты чего так рано? — зевнул сосед.

— Боюсь проспать, — признался Дайку. — Первая практика по магии. Вдруг у меня не получится?

— Получится, — буркнул Пьетро. — У тебя три дара. У меня, между прочим, только один — усиление слуха. И то не очень.

Дайку улыбнулся, оделся в новую форму. Красная куртка сидела хорошо, хотя в плечах была чуть широка. Он поправил воротник, провёл ладонью по волосам — и вышел из комнаты.

Полигон «Искра». Практические занятия проходили на открытой площадке за главным корпусом — ровное поле, посыпанное песком, с мишенями, манекенами и защитными куполами на случай, если заклинание выйдет из-под контроля. Место называлось Полигон «Искра». Когда Дайку и Пьетро пришли, там уже собралось около двадцати первокурсников. Среди них выделялся Симон Вертекс — рыжий, веснушчатый, в идеально отглаженной форме. Рядом с ним крутились двое прихлебателей.

— О, нищebroды пожаловали, — громко сказал Симон. — Интересно, что они покажут? Как греть воду дыханием?

Несколько человек засмеялись. Но другие — Дайку заметил — смотрели с любопытством без злобы.

— Игнорируй, — шепнул Пьетро. — Покажи, на что способен.

Появился наставник. Это был мужчина лет сорока, с мягкими чертами лица и добрыми карими глазами. На нём была синяя мантия, расшитая золотыми языками пламени — символ стихии огня. Звали его магистр Теодор Фламмель — говорят, дальний родственник директора.

— Доброе утро, мои юные коллеги, — сказал он приятным голосом. — Сегодня мы начинаем работу с маной. Многие из вас уже пробовали колдовать дома, но здесь вы научитесь делать это безопасно и эффективно.

Он окинул взглядом группу.

— Сегодня мы сосредоточимся на стихии огня — самой распространённой и самой опасной. Тот, кто умеет обращаться с огнём, может согреть, осветить, защитить. Но может и сжечь. Поэтому — без глупостей. Сначала теория, потом практика.

Теодор показал, как концентрировать ману в ладони, как визуализировать искру, как выпустить пламя контролируемым потоком.

— А теперь — по одному. Выходите к манекену. Ваша задача — зажечь фитиль на его плече с трёх шагов.

Очередь. Первый маг — светловолосая девочка по имени Лира — зажгла фитиль с первого раза. Маленькое пламя, но уверенное. Теодор похвалил. Симон вышел с важным видом. Взмахнул рукой — и манекен вспыхнул целиком, фитиль сгорел за миг. Пламя было ярко-красным, горячим.

— Неплохо, — кивнул Теодор. — Но без перебора. Манекен не враг.

Симон ухмыльнулся и бросил взгляд на Дайку. Потом были другие. У кого-то получалось, у кого-то нет. Один парень так старался, что из его пальцев пошёл только дым. Теодор подбадривал:

— Ничего страшного. У каждого свой ритм.

Наконец, настала очередь Дайку. Он вышел в центр полигона. Сделал три шага к манекену. Сосредоточился. «Золотое тепло, — подумал он. — Как тогда, в лесу. Как с волками. Огонь, слушай меня». Он поднял ладонь — и из неё вырвался ровный, спокойный огонь. Не красный, как у Симона, а золотисто-жёлтый, с лёгким оранжевым отливом. Фитиль загорелся мгновенно. Пламя не пошло дальше — послушное, мягкое. Магистр Теодор прищурился.

— Интересно, — сказал он. — Золотой огонь. Очень чистая мана. Ты, кажется, Кондо Дайку? Тот самый мальчик с тремя дарами?

— Да, господин магистр, — ответил Дайку.

В толпе прошелестели голоса. «Три дара?», «Откуда он?», «Из нищей деревни, говорят». Симон скрестил руки на груди и скривился.

— Повезло, — бросил он.

— Теперь попробуй увеличить интенсивность, — предложил Теодор. — Но медленно. Покажи, как растёт пламя.

Дайку кивнул. Он сосредоточился сильнее, представил, как огонь на ладони становится выше, жарче. Язычки пламени вытянулись до полусажения. И вдруг случилось странное. Вто-

рая его рука, левая, начала светиться голубоватым светом. Из пальцев брызнула тонкая струя воды. Чистой, прозрачной, прохладной. Вода ударила в манекен, зашипела, смешиваясь с огнём. Пар заволок полигон. Дайку испуганно отдернул руки. Огонь и вода погасли. Тишина. Потом голос Пьетро:

— Это была... вода?

Магистр Теодор шагнул ближе. Глаза его расширились, но не от страха — от изумления.

— Дайку, — сказал он медленно. — Покажи ещё раз. Только воду, без огня.

Дайку поднял левую ладонь. Подумал о ручье, о дожде, о реке Вьон, где они с отцом рыбачили. Через несколько секунд из кончиков пальцев снова потекла вода. Не сильным потоком, но уверенным.

— Стихия воды, — выдохнул Теодор. — Четвёртый дар. У мальчика четыре дара.

Гул в толпе нарастал.

— Не может быть! — крикнул кто-то.

— Это обман!

— Да он простой крестьянин!

Но были и другие голоса:

— Круто!

— Смотрите, как красиво — золотой огонь и голубая вода!

— Он настоящий маг!

Девушка по имени Лира — та, что зажгла фитиль первой — захлопала в ладоши. За ней ещё двое. Пьетро свистнул. Симон побелел.

— Четверо даров... — прошептал он. — Этого не бывает. Даже у королевской семьи...

— Бывает, — мягко сказал Теодор. — Очень редко, но бывает. Кондо Дайку — отныне студент, которого мы будем наблюдать с особым вниманием. Не потому, что он особенный, — добавил он, глядя на Дайку, — а потому, что его потенциал требует аккуратности. Ты сам не ожидал воды?

— Нет, — честно признался Дайку. — Я думал, у меня только огонь, усиление и регенерация. Про воду я не знал.

— Значит, дар раскрылся только что. Это редкость — но бывает в момент сильной концентрации. Поздравляю.

Наставник улыбнулся. Добро, без зависти. После занятия. Когда урок кончился, Дайку окружили. Кто-то просто смотрел, кто-то задавал вопросы:

— А ты можешь воду в лёд превратить?

— А огонь и воду одновременно?

— Ты правда из деревни?

Пьетро отгонял самых навязчивых, как пастух овец.

— Дайте ему передохнуть! У него первый раз проявился новый дар.

Симон и его компания ушли молча. Рыжий даже не обернулся. А Дайку стоял, сжимая и разжимая ладони. Из правой шёл дымок, из левой — капала вода. Четыре дара. Четыре. Он чувствовал, как внутри что-то перестраивается. Ядро в груди пульсировало сильнее обычного. Оно как будто росло. «Что со мной происходит? — подумал он. — Я становился сильнее. Но зачем?» Вечером, вернувшись в комнату, он сел на кровать и долго смотрел на свои руки. Потом закрыл глаза и сосредоточился — на этот раз не на огне, не на воде. На теле. На усилении. Он почувствовал, как мышцы наливаются силой. Осторожно поднял тумбочку одной рукой — легко. Поставил обратно.

— Пьетро, — позвал он.

— А?

— У меня ещё и усиление стало сильнее. Намного.

— Четыре дара плюс усиление? — Пьетро присвистнул. — Ты не человек, Дайку. Ты ходячая катастрофа.

— Я просто мальчик, — ответил Дайку. — Который хочет помогать людям.

Дайку лёг на кровать, но сон не шёл. Он смотрел в потолок, где трещина напоминала молнию, и думал о том, что случилось днём. Вода. Она пришла сама. Не как огонь — не по его воле, а будто внутри кто-то повернул невидимый кран. Он поднял левую руку, посмотрел на неё в лунном свете. Обычная рука. Худая, с выступающими венами, с царапиной от вчерашней тренировки. Но внутри неё теперь жила река.

— Страшно, — прошептал он в тишину.

Он не знал, кому это говорит. Пьетро уже храпел на соседней кровати. В коридоре кто-то кашлянул и затих. Дайку прислушался к своему телу. Ядро в груди пульсировало — ровно, спокойно, будто второе сердце. Но оно было другим. Тёплым. Почти горячим. Он вспомнил, как мама рассказывала сказку: «У одного мальчика было такое горячее сердце, что он мог согреть всю деревню. Но однажды он согрел слишком сильно — и всё сгорело».

Тогда он не понял. Теперь — начал понимать.

— А если я не смогу контролировать? — спросил он себя. — Если вода польётся во сне и захлебнётся Мико? Если огонь вырвется, когда я обниму маму?

Он сжал кулак так, что ногти впились в ладонь. Боль была острой, но короткой — регенерация уже затягивала кожу. Он посмотрел на руку — царапина исчезла за несколько секунд.

— Даже боль не остаётся, — прошептал он. — Что же во мне?

Он хотел заплакать, но не мог. Слёзы не шли — только сухой ком в горле и тяжесть в груди. Он повернулся на бок, подтянул колени к животу, как делал в детстве, когда боялся темноты. «Темноты не бойся, — сказал тогда старый Ёсида. — В темноте нет ничего, чего нет при свете». А что есть при свете? Сила. Огромная, непонятная, которая растёт внутри него без спроса. И никто не знает, куда она приведёт. Ни мама, ни папа, ни магистр Теодор, ни даже он сам. Он закрыл глаза и прошептал в подушку:

— Я не хочу никому навредить. Пожалуйста... пусть я никогда никому не навредю.

Пьетро перевернулся во сне и пробормотал что-то про «ещё пять минут». Дайку открыл глаза, посмотрел на друга — его тёмный силуэт, вздымающуюся грудь, растрёпанные волосы. И впервые за вечер ему стало чуть легче. Он не один. Даже если тьма внутри него растёт, рядом есть те, кто останется. Он выдохнул, отпустил напряжение и наконец почувствовал, как веки тяжелеют.

— Завтра, — прошептал он. — Завтра я разберусь.

Он лёг на кровать, натянул одеяло до подбородка. В голове крутились обрывки лекции: мана, ядро, Владыка демонов, печать... «Я не герой, — подумал он. — Но если сила даётся — значит, я должен ею распорядиться правильно». За окном горели звёзды. Где-то далеко, в комнате родителей, мама укладывала Мико спать. Отец, наверное, чинил башмаки при свете коптилки. Дайку улыбнулся и закрыл глаза. Завтра — новый день. Завтра — новые открытия. А сегодня... сегодня он стал магом четырёх стихий.

Глава 2. Девочка из повозки.

Библиотека «Свиток». После того как Дайку случайно открыл четвёртый дар, жизнь в академии изменилась. Косились больше, но и уважать стали чуть больше. Пьетро говорил: «Ты теперь местная знаменитость, как ручной дракон». Дайку отмахивался и ходил в библиотеку — готовиться к зачёту по теоретической магии. Библиотека «Свиток» находилась в восточном крыле главного корпуса. Там было тихо, пахло старым пергаментом и воском. Дайку любил забиваться в дальний угол у окна, где никто не мешал. В тот день он искал книгу о магии воды — вдруг удастся понять, как управлять новым даром. Он тянулся к верхней полке, вставал на цыпочки, но фолиант не доставал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.